

888 ^{Моек. новости. - 1998. - 13 сент. - с. 22, 23.} комментариев к Ивану Ивановичу

Политический роман Евг. Попова как симптом литературного процесса

Роман знаменитого постмодерниста Евгения Попова «Подлинная история «Зеленых музыкантов»» («Знамя», 1998, № 6) опять посвящен политике. Ничего неожиданного в этом нет, если вспомнить, что темой «Души Патриота» («Волга», 1989, № 2), написанной в 1982 году, были смерть Брежнева и прощание с брежневской эпохой, а «Ресторан «Березка»» («Знамя», 1991, № 3) имел антикоммунистический характер и появился за пять месяцев до путча 1991 года.

Теперь Евг. Попов предложил литературную игру, на Западе известную как «METACTION»: публикуется слабый рассказ «Зеленые музыканты», занимающий 25 страниц, и 888 комментариев к нему на 71 страницу. В «Зеленых музыкантов» вставлен совсем крошечный рассказ «Бессовестный парень», написанный неким Иваном Ивановичем, жизни которого посвящено все произведение в целом. Вроде бы (автор все время хитрит на этот счет) не только «Зеленые музыканты», но и «Бессовестный парень» — это собственное раннее творчество Евгения Попова, которое он теперь ядовито комментирует глазами клоуна (=классика), демонтируя штампы соцреализма, которыми он сам пользовался вольно и невольно, направо и налево. Заодно, двигаясь вперед затылком, автор сопоставляет времена — 1974-й (когда были написаны «Зеленые музыканты») и последующие годы, когда сочиняется весь текст в целом (кстати, в Германии, на бывшей вилле тов. Отто Гротеволла).

Структура с 888 комментариями сегодня — дело распространенное и, конечно, не Поповым изобретено (взять хотя бы «S/Z» Ролана Барта, «Бесконечный тупик» Дмитрия Галковского и «Катамаран» одного малоизвестного петербургского автора). На самом деле она воспроизводит компьютерный гипертекст: нажал кнопкой «мышь» на «лапку» — и ты уже в другом месте, где есть возможность расширить сведения о тексте, из которого был дан старт.

Но одновременно такая структура ро-

мана-комментария резко обостряет взаимоотношения между чтением и пониманием. Бесперывный уход в комментарии не просто мешает, а вообще не дает читать. И в результате оказывается, что чтение и понимание — вещи противоположные, как реальная жизнь в СССР и ее описание средствами разрешенной тогда литературы. Комментируя «художественные инструменты», знаковую систему социализма, Попов пишет второй, «более реальный» текст.

Не удивительно, что этого второго текста набралось в три раза больше, чем первого, к тому же штука эта гораздо сильнее. В общем, получились еще одни «помины по советской литературе» (не случайно Виктор Ерофеев, автор шумевшей статьи с таким названием («Литературная газета», 1990, № 27), все время упоминается Евг. Поповым — под цифром «колдун Ерофей»). Но поскольку поминки эти справляются уже девятый год подряд и стали привычным делом, стоит попытаться понять, в чем замысел бесконечно долгих проводов покойника. Евг. Попов в самом начале объявляет, что основной целью его «сочинения... является демонстрация грядущему поколению молодежи страданий и ошибок их «протавившихся отцов». Однако это всего лишь лукавство, и «педагогическая» цель имеет свои объяснения.

Упрощу до схемы. Понятно, что «метод соцреализма», способы кодирования реальности, принятые в те годы, нынче годятся лишь на пародирование и язвительное комментирование. Беда в том, что нет нового метода. Отсюда и «историзм», и «вперед затылком», и желание учить молодежь, по существу, лишь маскирующее отсутствие нового метода. Причина же здесь вовсе не в, так сказать, фатальной прикреплённости Е. Попова к социализму и его проблематике, а в специфике нашей политической и вслед за ней — культурной ситуации, которая после крушения соцреализма застыла и чего-то ждет. Это «что-то» —

возникновение новой реальности, которая и должна была бы породить новое письмо. А новой реальности нет. Есть ненавистное (и то не для всех) прошлое, но нет нового настоящего и образа нового будущего. Об этом-то непрерывно и думает Попов: «Умнейший Авторханов написал, что после Брежнева будет только Брежнев. Збигнев Бжезинский считал, что коммунизм будет разлагаться еще десятки лет. Ой, а вдруг они не ошибаются...».

Евгений Попов и его сын

Ребята, мы же все марксисты и хорошо помним, что бытие определяет сознание, а базис — надстройку. Из этого исходил Виктор Ерофеев, постулировавший, что крах социализма неизбежно влечет за собой конец советской литературы. Из этого же исхожу и я, на «отлично» сдавший в 1986 году кандидатский минимум по марксистско-ленинской философии.

Производительные силы & производственные отношения — все старое: и трубы старые, и Черномырдин с Вяхиревым при них — тоже старые. Ведь экономического краха советского социализма не было. Евг. Попов точно заметил: «СССР погиб от тоски, а не от разрушенной экономики» (ком. 880). К месту вспомнить шумевшую статью Френсиса Фукуямы «Конец истории?» («Воп-

росы философии», 1990, № 3) и экспертизу, проведенную в 1990 г. под руководством Вас. Вас. Леонтьева, лауреата Нобелевской премии (см.: Леонтьев В.В. Избранные статьи. СПб., 1994, С. 225 — 241). И статья, и экспертиза (с особым блеском) доказывали: экономических причин для начала перестройки не было, было сознательное решение правящей элиты СССР «завязать» с социализмом и тихо/быстро распределить между собой средства производства и сырьевые ресурсы. Естественно, в этом активно участвовал не только ЦК КПСС, но и КГБ: скажем, Шестое управление (экономическая контрразведка) непосредственно создавало совместные предприятия и содействовало инвестированию гос. средств в будущие частные и акционерные концерны, биржи, банки, холдинги и т.д. Так что «тоска», о которой упомянул Попов, — это тоска по собственности на средства производства...

Итак, с учетом того, что в 1987 — 1991 гг. у нас был не крах социализма, а его плановое превращение в такую форму, которая устроила элиту, ничего нового и не возникло. Именно об этом Евг. Попов непрерывно напоминает: «Коммуняки, как известно, приватизировали все, чем управляли, и теперь снова живут припеваючи, опасаясь лишь пули...» (ком. 5); «...Комсомольцы и КГБшники первыми почувствовали прелесть личной свободы, сауны и тугих кошелей, отчего и возвели вместо БАМа «перестройку»...» (ком. 78); «Нам этих богатств все равно никогда не видать...» (ком. 796).

Трудно было ожидать от постмодерниста столь содержательного и тонкого политического подтекста, но это именно так. И роман Попова интересен прежде всего выходом за рамки собственно литературных проблем — в жизнь.

Стоит, кстати, обратить внимание на то, как вскользь, не вдаваясь в детали, пишет Евг. Попов о «новом порядке». Он ему так же не интересен, как очередь за туалетной бумагой при развитом социа-

лизме (о ней, кстати, см. ком. 511); он не в состоянии даже стать темой литературного произведения. Про Ивана Ивановича, когда-то подвизавшегося на поприщах литературы и журналистики, в нынешнем его социальном состоянии нечего сказать, кроме того, что он «талантливый хозяйственник, депутат, уважаемый человек, член многих постоянных и временных комиссий». Этот набор слов возникает в романе множество раз, слегка варьируется, но ничего более. Совпав с их образом жизни, дачами, пайками и «собр. соч.», выбитыми в отделе культуры ЦК, — это все волнует. А нынешние богачи, гораздо более богатые и «публичные», — почему-то нет. Так же вскользь в комментарии № 61 автор проехался по Познеру и Александру Н. Яковлеву: «Какой колдовской силой обладала советская власть! Это прямо какая-то «Волшебная флейта» Моцарта, а не советская власть, если даже такой умнейший, как Познер, совсем «ничего не знал», в то время когда даже совсем неученые пролетарии пели в городе К<расноярске>... частушку (далее следует нецензурная частушка. — М.З.). Такую удивительную власть надо изучать и делать из этого соответствующие выводы, как Александр Н. Яковлев, бывший член Политбюро, а ныне самый активный борец с коммунизмом. Я говорю это безо всякой иронии».

Понятно, что с количеством иронии на единицу комментария у Евг. Попова все в порядке. Проблема в другом: «удивительную власть» советской власти нашему автору изучать откровенно скучно, так же как и феномен конформизма. Тут я, кстати, с Евг. Поповым поспорил бы. Ну, скажем, история какого-нибудь провинциального мальчика, которого Главный Редактор, неоднократно упоминаемый Поповым, приглашает в Москву и обещает прописку — в обмен на работу в Газете («органе существующих с дозволения КГБ советских либералов, любителей «ленинских норм»» — ком. 61) в качестве безымянного Литератора, автора передовиц, обливающего всех, на кого укажет рука хозяйина с дорогой сигарой, — разве эта история не интересна, раз-

ве нет в ней драматизма и поучительности, особенно с учетом постперестроечной судьбы мальчика?

Впрочем, есть и другая проблема, тесно связанная с этой: где будет печататься Евг. Попов, если обо всем этом напишет? Хотя допускаю, что изучать все это и впрямь малоинтересно и даже противно: что занятого в элементарной продажности, в покупке квартиры и прописки ценой морального падения? Последний, кто мог делать из этих «обменов» литературу, был великий писатель Юрий Трифонов. Он мог позволить себе морализм, нынешние — не могут. Или не хотят. Остается только догадываться, почему.

Как бы то ни было, «новой литературы» нет: не о ком писать, отсутствует «герой времени». Отсюда в романе Евг. Попова, во-первых, насквозь литературный, безжизненный «Иван Иванович», фикция, «подпоручик Кизе»; во-вторых, «понимание» (888 комментариев), которое полностью разрушило «чтение» и символизированную им Литературу; в-третьих, символический уход Ивана Ивановича из литературы в «хозяйственную деятельность» и депутатство. В знаковой системе романа за этим без труда просматривается ненужность литературы новой власти. Потому-то, кстати, и сам Евг. Попов «лудит» свой роман-комментарий не в России, а в Германии, очевидно, на деньги какого-нибудь немецкого гранта. И все время об этом напоминает читателю. Дескать, роман-то, как и вся литература, никому не нужен, разве что «грядущему поколению молодежи».

Им же сообщая, что число комментариев в романе — 888 — чрезвычайно многозначно: оно отсылает и к МММ, и к апокалиптическому 666, и к знаменитому советскому портвейну 777. Не случайно тема алкогольной интоксикации — сквозная в романе, а фраза «Ну, я и выпил один», — замыкает сразу и рассказ «Зеленые музыканты», и последний комментарий № 888. Все концы счастливо сошлись.

Михаил ЗОЛОТОНОСОВ